

Когда я выходил из дома Е Цзе, не было и семи, а на улицах уже прибавилось машин. Район у нее неплохой, транспортное сообщение удобное, вокруг полно закусочных. В это время уже вовсю работали разнообразные точки с завтраками: куда ни кинь взгляд — везде клубился пар над бамбуковыми пароварками, а по всей улочке разносились аппетитные запахи всего на свете: печеного, жареного во фритюре и на сковороде. Но я вчера пил, и от запаха еды меня теперь слегка подташнивало.

Я сначала поехал домой привести себя в порядок, а ближе к полудню, прикинув, что Старый Фу, наверное, уже проснулся, позвонил ей — собирался ехать забирать жену.

Но она сбросила мой звонок. Сначала я подумал, что она случайно нажала не ту кнопку, но когда она сбросила и второй вызов, я окончательно убедился.

Я не понимал, что это значит. По идее, она держит магазин на Таобао, так что у нее не могло быть ситуаций, когда на звонки отвечать нельзя.

Я неподвижно сидел на диване, все еще сжимая в руке ключи от машины, но в душе уже смутно догадывался, к чему все идет.

Подумав немного, я позвонил жене — и этот вызов тоже сбросили. На вчерашнее сообщение он мне тоже не ответил.

Раньше, когда он дулся, он тоже иногда не брал трубку, но никогда это не затягивалось так надолго. Я был практически уверен, что он злится вовсе не из-за того случая в супермаркете. Но я понятия не имел, что все это теперь значит.

Мелькнула мысль: а вдруг он обиделся, что я вчера слишком поздно за ним приехал? Такое было возможно, но в глубине души я прекрасно понимал, что этой отговоркой не обмануть даже самого себя.

Я чувствовал себя преступником, ожидающим приговора: вроде бы в сердце уже и так всё было ясно почти наверняка — смертная казнь, без вариантов, — но до оглашения приговора душа все равно не на месте.

Просидев так с полудня до самого вечера, я все время безучастно пялился в пустоту, попутно листая ленту Вейбо, хотя совершенно не помню, что именно там видел.

Около четырех часов телефон зазвонил — это была жена.

Я снял трубку, но оттуда не доносилось ни звука. Я произнес «алло», но в ответ снова была тишина.

Я тоже ничего не говорил и просто ждал.

Прошло, пожалуй, минуты две или три, прежде чем жена наконец заговорила. Голос был абсолютно бесцветным, всего одна фраза, брошенная буднично: «Ты хочешь расстаться, да?»

Я промолчал.

Не знал, что сказать.

Если честно, я слегка растерялся.

Даже если я давно предчувствовал, что мы близки к разрыву, когда этот день все-таки настал, я все равно не сразу сообразил, как реагировать.

После этого мы снова погрузились в молчание.

Я даже не представляю, сколько времени мы так молча висели на линии. Когда у меня уже начали ныть пальцы, жена произнесла: «Тогда давай расстанемся».

И сбросила вызов.

Я по-прежнему молчал и не двигался с места.

Позже я взглянул на историю звонков за тот день: от начала и до конца он произнес всего две фразы, а наш разговор продлился двадцать семь минут.

Я просидел от рассвета до темноты, не меняя позы.

Я не стал спрашивать, почему он вдруг решил всё это затеять. Спрашивать было не о чем: если не эта причина, нашлась бы другая. К тому же, думается мне, обеим сторонам и так всё было предельно ясно.

Сказать, что мне больно? Больно. Мы были вместе восемь лет и расставались больше одного раза, но только этот раз выдался настолько мирным и молчаливым. Хотя, пожалуй, только этот раз и был по-настоящему окончательным.

Я сам себе казался сплошным противоречием. Быть вместе — и задыхаться от усталости; разойтись — и три дня из пяти думать о нем. Чувства остыли до того, что даже во время поцелуев и объятий сердце не бьется, но стоило услышать от него предложение расстаться, как в груди защипало так, будто кто-то хочет вонзить туда нож.

Все эти годы я чувствовал себя человеком, висящим на краю обрыва и из последних сил вцепившимся в каменный уступ, боясь разжать пальцы. Ужасно устал, но отпустить не смел.

Отпустишь — освободишься, но и погибнешь.

Когда он только что спросил меня: «Ты хочешь расстаться, да?» — я действительно не знал, что ответить.

Хочу ли я? Или не хочу?

Но когда он бросил: «Тогда давай расстанемся», — меня вдруг пронизало чувство, что на самом деле я отчаянно хотел, чтобы он попросил меня остаться.

Эх, наверное, все мерзавцы такие, как я. Даже собираясь уйти, всё равно ждешь, что тебе скажут: я буду скучать.

Но я на самом деле...

Ладно, неважно.

<http://bllate.org/book/26321/3151676>